

УДК 342.722 (575.2)

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ НАРУШЕНИЯ РАВНОПРАВИА ГРАЖДАН ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Г.Б. Жунушова

Раскрываются особенности законодательного закрепления объективных элементов состава нарушения равноправия граждан, на основе проведенного анализа автором обозначаются несовершенства конструкции правовой нормы, устанавливающей ответственность за нарушение равноправия граждан и предлагаются пути ее совершенствования с учетом нового уголовного законодательства Кыргызской Республики.

Ключевые слова: нарушение равноправия граждан; объективная сторона; объект преступления; предмет преступления; потерпевший.

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН МЫЙЗАМДАРЫ БОЮНЧА ЖАРАНДАРДЫН ТЕҢ УКУКТУУЛУГУНУН БУЗУЛУШУНУН ОБЪЕКТИВДҮҮ БЕЛГИЛЕРИ

Бул макалада жарандардын тең укуктуулугунун бузулушунун курамынын объективдүү элементтерин мыйзамдык бекемдөөнүн өзгөчөлүктөрү ачылып берилет, автор тарабынан жүргүзүлгөн изилдөөнүн негизинде жарандардын тең укуктуулугун бузгандыгы үчүн жоопкерчиликти белгилеген укуктук нормалардын конструкциясынын жеткиликтүү иштелип чыкпагандыгы белгиленет жана Кыргыз Республикасынын жаңы кылмыш-жаза мыйзамдарын эске алуу менен аны өркүндөтүүнүн жолдору сунушталат.

Түйүндүү сөздөр: жарандардын тең укуктуулугунун бузулушу; объективдүү тарабы; кылмыш объектиси; кылмыш предмети; жабырлануучу.

OBJECTIVE SIGNS OF VIOLATION OF CITIZEN EQUALITY UNDER THE LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC

G.B. Junushova

The article reveals the peculiarities of the legislative fixation of objective elements of the composition of the violation of citizens' equality, on the basis of the analysis carried out by the author, imperfections in the design of the legal norm that establishes responsibility for the violation of the equality of citizens and suggests ways to improve it, taking into account the new criminal legislation of the Kyrgyz Republic.

Keywords: violation of citizens' equality; objective side; object of crime; subject of crime; victim.

Согласно ст. 16 Конституции Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. [1] (далее Конституция КР), принцип равноправия входит в число основных конституционных принципов, характеризующих нашу страну в качестве правового и демократического государства. Отражение данного принципа обнаруживается во многих исследованиях, проводимых в рамках различных юридических дисциплин в разное время. Например, известным французским философом и правоведом эпохи Просвещения Жаном Жаком Руссо при описании кон-

струкции механизма построения государства и права отмечалось, что “люди, будучи неравными по силе и уму, становятся равными путем соглашения и в силу права” [2, с. 203]. Другой видный представитель классической школы уголовного права – Чезаре Беккариа, придерживался постулата о том, что “все равны перед законом и судом. Не должно быть сословных различий, привилегий, ограничений в области уголовного судопроизводства. Там, где знатные и власть имущие отделяются пустяками, а простой народ несет всю тяжесть суровых кар,

разрушаются все понятия о справедливости и долге и на их место становится право сильного” [3, с. 64].

Указанные позиции получили последующее закрепление и развитие в нормах множественных международных договоров и конвенций, в числе которых следует назвать Всеобщую декларацию прав человека, Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Конвенцию о политических правах женщин, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и др.

В соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 16 Конституции КР государством запрещены все проявления дискриминации лиц “по признаку пола, расы, языка, инвалидности, этнической принадлежности, вероисповедания, возраста, политических или иных убеждений, образования, происхождения, имущественного или иного положения, а также других обстоятельств” [1]. Отображение принципа равноправия граждан также прослеживается в многочисленных нормах отраслевого законодательства Кыргызской Республики. Например, в Семейном кодексе Кыргызской Республики в ст. 3 провозглашено гендерное равенство в семейных правоотношениях [4], в Гражданском процессуальном кодексе Кыргызской Республики в ст. 7 декларируется равенство всех перед законом и судом [5], аналогичные нормы содержатся также в ст. 16 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики [6], в ст. 3 действующего Уголовного кодекса Кыргызской Республики [7] (далее УК КР) и др. Следует отметить, что в нормах нового Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее УК КР 2017 г.), который вступает в силу с 1 января 2019 г. впервые в истории отечественного законодательства нашел отображение запрет дискриминации граждан в зависимости от наличия у них инвалидности (ст. 4) [8].

Для обеспечения действия принципа равноправия институционализирован комплекс мер, среди которых и механизмы уголовно-правовой охраны. В настоящее время уголовно-правовая защита принципа равноправия обеспечена ст. 134 УК КР [7].

Непосредственный объект рассматриваемого состава преступления представлен общественными отношениями, закрепленными ст. 16 Конституции КР [1], обеспечивающими реализацию равных прав и свобод для любых лиц в независимости от таких категорий, как пол, раса, национальность, язык, происхождение, имущественное и должностное положение, место жительства, религиозные, убеждения, принадлежность к общественным объединениям, а также другие обстоятельства.

В научной литературе существует точка зрения, в соответствии с которой выделяется также факультативный объект в рассматриваемом составе. Так, по мнению А.С. Курманова “в зависимости от способа нарушения равноправия возможен факультативный объект. Например, при нарушении равноправия с применением насилия или угрозой его применения им может быть в зависимости от вида насилия здоровье, телесная неприкосновенность человека, его свобода” [9]. Однако, по нашему мнению, при нарушении равноправия лиц и одновременном применении в отношении них насилия либо причинения им какого-либо вреда (физического, имущественного, моральных и нравственных страданий) содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений.

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления представлена, в соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 134 УК КР, уголовно наказуемыми альтернативными действиями (бездействиями): “Прямое или косвенное нарушение или ограничение прав и свобод человека и гражданина в зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного или должностного положения, места жительства, религиозных и других убеждений, принадлежности к общественным объединениям, причинившее вред законным интересам гражданина” [7]. Таким образом, с учетом законодательной конструкции вред причиняется конституционным правам и свободам лица без учета его индивидуальных качеств и личностных особенностей. Однако нарушение прав всегда связывается виновным с расовыми особенностями потерпевшего, его национальной принадлежностью, полом, языком, вероисповеданием и т.д.

Проявление ограничения равноправия человека и гражданина может выражаться в предпочтительном приеме на работу или учебу граждан определенной национальности, пола, языка, при том что другие соискатели с учетом их профессиональных навыков либо других качеств обладали объективным преимуществом и должны были быть приняты на вакантные места. Аналогичная ситуация может наблюдаться и при прекращении трудовых отношений. Равноправие граждан нарушается посредством совершения любого противоправного деяния (действия или бездействия), полностью или частично ущемляющего конституционные права человека и гражданина.

В законе предусматривается уголовно-правовой запрет как прямого, так и косвенного нарушения или ограничения прав человека и гражданина. Однако в законе не раскрывается, какие случаи

нарушения прав человека и гражданина считаются прямым нарушением, а какие косвенным. Не дает конкретики в данном вопросе и УК КР 2017 г., в котором в ст. 185 законодатель прибегнул к формулировке “прямое либо не прямое ограничение прав” [8]. В юридической литературе данному вопросу не уделяется должного внимания. Многие авторы ограничиваются только приведением абстрактных примеров того, какие нарушения равноправия считать прямыми, а какие косвенными. Существует мнение, что “прямая дискриминация происходит, когда с одним человеком обращаются хуже, чем с другим, или его ущемляют из-за факта или предположения о наличии у этого человека или кого-то, с кем он связан, одной или нескольких защищенных характеристик. Косвенная дискриминация происходит, когда отдельная норма, критерий и сложившаяся практика (любое официальное или неформальное правило) способствует тому, что человек с защищенными характеристиками оказывается в менее выгодном положении, чем другие. Такая норма или практика, на первый взгляд, могут казаться нейтральными, так как в них нет прямого упоминания защищенной характеристики, но их действие приводит к дискриминации людей с защищенными характеристиками” [10].

Мы считаем целесообразным использование в диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы терминов “прямое и косвенное”, а также “прямое и не прямое”, так как никакой дополнительной смысловой нагрузки при квалификации деяния они не несут, влияния на применимую санкцию не оказывают. Считаем целесообразным исключить из действующей редакции и из УК КР 2017 г. употребление указанных терминов, которые только усложняют понимание правовой нормы и не влияют на квалификацию содеянного, так как и прямое, и косвенное нарушение (прямое и не прямое – в редакции УК КР 2017 г. [8]) законодателем признаны противоправными, общественно опасными и наказуемыми в пределах одной части одной статьи.

Новеллой в регулировании уголовно-правовой защиты прав человека и гражданина от проявлений дискриминации различного рода является закрепление законодательного запрета в ч. 1 ст. 185 УК КР 2017 г. на установление прямых либо не прямых привилегий [8]. Тем самым обеспечивается наиболее полная защита конституционных прав.

Однако описание последствий в исследуемых правовых нормах существенно разнится. Так, в ст. 134 УК КР законодатель связывает наступление уголовной ответственности за исполнение объективной стороны преступления, описанной в диспозиции с причинением вреда законным интересам

гражданина [7]. В ст. 185 УК КР 2017 г. вредным последствием законодатель называет причинение по неосторожности значительного вреда [8]. По нашему мнению, позиция законодателя, изложенная в диспозиции ч. 1 ст. 185 УК КР, представляется несколько неудачной. Так, в связи с тем что данная конструкция уголовно-правовой нормы построена по материальному типу, то, для того чтобы субъект понес ответственность за нарушение равноправия человека, а именно “прямое либо не прямое ограничение прав или установление прямых либо не прямых привилегий в зависимости от пола, расы, национальности, языка, инвалидности, этнической принадлежности, вероисповедания, возраста, политических или иных убеждений, образования, происхождения, имущественного или иного положения” [8], необходимо чтобы такие действия (бездействия) причинили по неосторожности значительный вред.

Здесь возникает следующая проблема. При совершении указанных в диспозиции ч. 1 ст. 185 УК КР 2017 г. деяний субъект преступления может желать наступления вредных последствий, т.е. последствия в виде причинения значительного вреда охватываются его умыслом и входят в субъективную сторону преступления, но с учетом существующей конструкции правовой нормы законодателем преступными не расцениваются. Таким образом, нарушение равноправия человека фактически теряет свою противоправность, что принципиально не допустимо, так как вступает в противоречие с действием конституционного принципа, закрепленного п. 2 ст. 16 Конституции КР [1]. Подобную коллизию уголовно-правовой нормы необходимо устранить.

Также недостатком законодательной конструкции ч. 1 ст. 185 УК КР 2017 г. выступает обстоятельство, что законодателем в качестве обязательного условия указан значительный ущерб, но конкретные размеры ущерба, который должен признаваться значительным, в нормах уголовного закона не указаны, следовательно, значительный ущерб является оценочным признаком, что в свою очередь может вызвать проявления субъективизма в правоприменительной судебно-следственной практике и способствовать росту коррупционных проявлений. По нашему мнению, до вступления в действие УК КР 2017 г. законодателем должны быть устранены обнаруженные коллизии и пробелы.

В соответствии с ч. 1 ст. 134 УК КР предметом преступления нарушения равноправия человека выступают права и свободы человека и гражданина. В ч. 1 ст. 185 УК КР 2017 г. законодатель ограничивает предмет преступления правами

человека. По нашему мнению, представляется нелогичным обозначение в качестве предмета посягательства прав человека, так как производится сужение охраняемых законом интересов граждан. Права гражданина, хотя и являются составным элементом прав человека, но в связи с неразрывной связью гражданина с государством, гражданство которого он имеет, гражданин наделяется дополнительными правами. Так, в Кыргызстане только граждане Кыргызской Республики наделяются активным и пассивным избирательным правом, могут иметь в собственности земельные участки, замещать должности государственной службы и т.д. Также с учетом редакции ч. 1 ст. 185 УК КР остаются за пределами уголовно-правовой защиты свободы человека, в том числе и свобода слова.

По нашему мнению, ст. 134 УК КР также не лишена неточностей. Так, при описании обязательного условия наступления уголовной ответственности законодатель указывает причинение вреда законным интересам. Однако в качестве предмета посягательства законные интересы не упомянуты, в диспозиции ч. 1 ст. 134 УК КР речь идет о нарушении только прав и свобод человека и гражданина. В качестве вредного последствия законодателем не отмечено причинение вреда правам и свободам человека и гражданина. Таким образом, обнаруживается внутренняя логическая коллизия правовой нормы. Как верно отметила К.А. Аблакимова, “здесь вопрос состоит в сепарировании прав, свобод и законных интересов, несмотря на то что они составляют взаимосвязанную, взаимообусловленную триаду” [11, с. 126].

Внутренняя логическая коллизия ч. 1 ст. 134 УК КР обнаруживается при описании круга потерпевших. Законодателем указано, что подлежит уголовно-правовому запрету “прямое или косвенное нарушение или ограничение прав и свобод человека и гражданина... причинившее вред законным интересам гражданина” [7]. Тем самым происходит сужение круга потерпевших, законные интересы человека остаются за пределами действия уголовно-правового запрета.

В целом, подводя итоги рассмотрению особенностей объективных признаков нарушения прав человека и гражданина, закрепленных в действующем УК КР и УК КР 2017 г., пока еще не вступившем в силу, отметим, что в обоих нормативно-правовых актах конструкции рассматриваемых составов сконструированы по материальному типу. То есть для привлечения субъекта к ответственности необходимо наступление обозначенных в уголовном законе вредных последствий. По нашему мнению, состав нарушения равноправия граждан

должен быть сконструирован по формальному типу. Проявления нарушения равноправия человека могут происходить по религиозным, национальным признакам и не влечь за собой видимого причинения вреда, но могут вызвать подсознательное появление у потерпевшего таких негативных чувств, как неприязнь, ненависть к представителям той нации, религии, к которой принадлежит обидчик. В условиях многонационального, многоконфессионального государства, правового и демократического государства нарушения равноправия граждан такая ситуация недопустима.

Таким образом, механизм уголовно-правовой защиты конституционного принципа равноправия человека и гражданина остается уязвимым вследствие несовершенства действующего уголовного законодательства. Представляется, что устранение недостатков правовых норм, обозначенных в рамках настоящей статьи, будет способствовать дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства в части защиты и охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г.: URL: http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru (дата обращения: 01.03.2018)
2. Хрестоматия по истории политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М.: Городец, 2004. 576 с.
3. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. М.: Степс Бимпа, 1995. 563 с.
4. Семейный кодекс Кыргызской Республики от 30 августа 2003 г. № 201. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1327/190?cl=ru-ru> (дата обращения: 01.03.2018).
5. Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 г. № 14. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111-521?cl=ru-ru> (дата обращения: 01.03.2018).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 г. № 62. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/9?cl=ru-ru> (дата обращения: 01.03.2018).
7. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. № 68. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568> (дата обращения: 01.03.2018).
8. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 19. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (дата обращения: 01.03.2018).
9. *Курманов А.С.* Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России о защите конституционных прав и свобод человека:

- сравнительное теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.С. Курманов. Екатеринбург, 2008. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/sostojanie-i-perspektivy-razvitija-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossii-o-zawite.html> (дата обращения: 01.03.2018).
10. Права на равенство и свободу от дискриминации в России. Руководство по наилучшей практике для юристов. URL http://www.equalrightstrust.org/ertdocumentbank/Russia%20BPG_RUS%20FINAL.pdf (дата обращения: 01.03.2018).
11. *Аблакимова К.А.* Сравнительный анализ уголовной ответственности за нарушение равноправия граждан по законодательству Кыргызстана и зарубежных стран / К.А. Аблакимова // Вестн. КPCУ. 2007. Т. 7. № 10. С. 122–128.